

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Елена Логунова

Декамерон
по-русски

Индия Кузнецова

Елена Логунова

Декамерон по-русски

«ЭКСМО»

2012

Логунова Е. И.

Декамерон по-русски / Е. И. Логунова — «Эксмо»,
2012 — (Индия Кузнецова)

Сотрудница рекламного агентства Индия давно мечтала примерить на себя роль Шерлока Холмса, и наконец-то случилось счастье: частный детектив Эдик Розов попросил подежурить у него в офисе. Индия охотно заступила на вахту, и клиентка не заставила себя ждать! Правда, дамочка сразу хлопнула дверью, заявив, что сыск не женское дело. Совершенно напрасно она отказалась от помощи – вскоре «сыщица» разглядывала фотографии ее неживого тела... Обвинили в преступлении коллегу Индии Всеволода Полонского. Оказывается, взбалмошная гражданка сначала активно соблазняла Севу, а потом обвинила в домогательствах, вот на него и пало подозрение... Как ни крути, а от этого расследования Индии никуда не деться – оно само приплыло ей в руки!

© Логунова Е. И., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Суббота	5
Понедельник	10
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Елена Логунова

Декамерон по-русски

Суббота

1

Девушка была молодая, румяная и мясистая, с массивными коленками и выпуклыми икрами. Скандально известный фотограф Витя Завалишин грустно посмотрел на нее, вздохнул и с явной неохотой сделал несколько снимков.

Глянцевый журнал «Гламур тужур» ждал от Виктора фоторепортаж о торжественной церемонии вручения престижной дизайнерской премии. К большому огорчению Завалишина, находящегося в вечном поиске сенсационных кадров, мероприятие проходило тихо, мирно и скучно. Собственно вручение прошло без эксцессов, да и последующий фуршет не обещал перейти в бурный мордобой.

– Типичная телка! – со вздохом сказал разочарованный Витя, посмотрев на свою случайную модель.

Ее ярко-красные босоножки на платформе напоминали наманикюренные копыта и смотрелись в тему. Ситцевая блузка с трудом сдерживала напор мощных грудей, составляющих монолитную конструкцию с крепким бюстгалтером. Красивое лицо портили слишком ранний второй подбородок и искусственная улыбка, однако девушка не сомневалась в своей привлекательности.

Она села на видном месте и забросила ногу на ногу, уложив ее горизонтально, печатной буквой «Г». Жесткая ткань короткой юбки встопорщилась, открыв пикантный вид на внутренний мир красавицы. Она грозно хмурилась на громкий стук чужих каблучков и производила частые хлопки покрашенными ресницами, семафоря ими знакомым.

Наблюдать за ней было забавнее, чем за редкой зверушкой в зоопарке.

– Это кто? – спросила я.

– Не знаю. Чья-то любовница, – с нетипичным для него безразличием ответил Зяма.

Девушка, явившаяся на торжественный прием в короткой джинсовой юбке, колхозной кофточке и дешевых украшениях, для моего стильного брата не существовала.

– Ей надо поменять спонсора, – поправив тонкими пальчиками бриллиантовую сережку в ушке, сочувственно сказала добрая Аллочка Трошкина. – Очевидно, что он ее плохо содержит!

Девушка словно почувствовала, что мы говорим о ней, не меняя позы, развернулась на стуле на тридцать градусов и гостеприимно ориентировала свой внутренний мир точно на красавца Зяму.

– Она уже хочет, – разомкнув каменные уста, веско обронил дотоле молчавший капитан Кулебякин.

– Чур меня, чур! – скривив губы, размашисто перекрестился мой взыскательный брат.

– Фи, – сморщила носик Трошкина.

– Она уже хочет его поменять, – невозмутимо закончил фразу Кулебякин. – У нее на лбу написано: «Возьмите меня кто-нибудь замуж, и побыстрее!»

– Можно здесь и сейчас, – съязвила Трошкина.

Она перестала быть доброй, как только поняла, что красавица положила глаз на ее любимого Зямочку.

Уже без приязни оглядев пышнотелую деву, Алка брюзгливо сказала:

– Этой особе надо очень, очень спешить: через год она будет весить на три килограмма больше, через два года – уже на шесть, а через три – на девять.

– А через двадцать лет умрет от ожирения? – усомнилась я, максимально развив подружкин прогноз.

Мясистая красавица не вызывала у меня симпатии, но ничего плохого я ей не желала. Пока не желала. До тех пор, пока она не топорщила свой джинсовый кринолин в сторону моего собственного жениха.

К нашему общему счастью, Кулебякин ее не заинтересовал. Девушке по доброй воле составил компанию немолодой господин в потертых вельветовых штанах и мешковатом пиджаке. Сильно поддатый джентльмен был слегка небрит, давно не стрижен и на первый взгляд производил впечатление умеренно интеллигентного пропойцы из бывших партайгеноссе. Однако на его отвисшем вельветовом заду красовался лейбл модной фирмы, а на запястье поблескивали дорогие золотые часы.

– А это кто? – повторила я свой вопрос.

– Где? Возле «Девушки с веслом»?

Алка, оценив Зямину меткую характеристику представленного нам на беспрепятственное обозрение устаревшего типа женской красоты, одобрительно хихикнула и ответила мне:

– Это Эл Гэ.

– А-а-а! – протянула я, рассматривая упомянутого господина с новым интересом.

Леонтий Голяков по прозвищу Эл Гэ был на сегодняшнем мероприятии наиважнейшим ВИПом. Как главный редактор самого авторитетного в стране художественного журнала «Живописец» и особа, приближенная к правящим кругам, он был ангажирован организаторами южнороссийского фестиваля дизайнерского искусства в председатели жюри.

Я вспомнила, что официальная биография Эл Гэ объясняет величие и мощь его таланта длиной и крепостью крестьянских корней, и понимающе кивнула. Судя по мутно-сосредоточенному взгляду, который Голяков устремил на могучую грудь Девушки-с-веслом, его крестьянские корни жаждали прильнуть к истокам. Истоки, взволнованно вздымающиеся под цветастым ситцем, трепетали в ожидании.

Однако обстановка в зале была далека от интимной: фуршет, начавшийся после официальной церемонии награждения, как раз достиг максимального размаха. В зал выкатили тележку с пирамидой из ледяных стаканчиков с водкой и выпустили официантов с хрустальными вазочками, наполненными красной икрой. Девушка-без-весла прихватизировала одну плоску и трогательно кормила Эл Гэ икрой с ложечки.

– Отличная идея, надо взять на вооружение! – похвалила организаторов Трошкина. – Вместо того чтобы утомительно строгать и намазывать изящные бутерброды, выдаешь народу лоханки с икрой и потом с чистой совестью хвастаешь, что на твоём празднике гости ели деликатес ложками!

– Что вообще-то очень неудобно, – досадливо заметил Зяма, уронив несколько янтарных икринок себе на пиджак. – Лично я предпочел бы готовое к употреблению канапе!

– Я смотрю, отчие гены отдыхают! – ехидно заметила я.

Наш с Зямой отче, знатный кулинар-изобретатель, в неиссякаемом порыве страсти к любимому делу единолично оккупировал кухню и до предела развратил всех членов семьи. Вот, Зяма уже и бутерброд себе соорудить не может!

– Давай я сделаю! – Алка бросилась помогать любимому. – Инка, поддержи!

Она сунула мне в руки полученный Зямой приз и побежала догонять официанта с икорной лоханкой.

– Дай посмотреть! – Неизбалованный милиционер Кулебякин, благополучно расправившийся с икрой без посторонней помощи, забрал у меня статуэтку. – Вот фигня так фигня!

– Тише! – одернула я своего некультурного и простодушного мента. – Это не «фигня-фигня», а почетная награда лауреата дизайнерской премии «Белый Клык»!

– Что белый, то точно, – согласился Денис. – А вот насчет клыка я очень сильно сомневаюсь. Я в этой жизни немало зубов разным гадам выбил и ни у кого не видел клыков граненых, как стакан!

Я промолчала. Лично мне ребристая фарфоровая призма на выпуклом круглом основании подозрительно напоминала крышку от сахарницы или чайничка. Зная изобретательность наших людей, я бы не удивилась, узнав, что организаторы конкурса пустили на призы некомплектные фрагменты сервизов. Тем более что обаятельный ведущий перед вручением наград особо акцентировал внимание публики на том обстоятельстве, что в нашем крае недавно закрылся единственный фарфорово-фаянсовый завод. Это заявление запредельно повысило в глазах собравшихся ценность призовых крышек.

– Впрочем, Зяма все равно молодец, – пошел на попятный Кулебякин, не выдержав моего укоризненного молчания. – Приз дурацкий, но работа хорошая. Нам с Барклаем очень нравится!

– Еще бы вам не нравилось! – хмыкнула я.

В оформлении упаковки собачьего корма, за которую ему вручили сомнительный «Белый Клык», Зяма использовал прекрасное портретное фото любимого бассета Дениса. Барклашка на картинке получился как живой! Хотя живой он на дух не переносит собачьи сухари, предпочитая им мясные котлеты моего папули.

– Слушай, может, мы уже пойдем отсюда?! – искательно оглядевшись и не найдя в поле зрения ничего интересного в смысле провизии, взмолился Денис. – Кушать хочется, я с утра без еды, а тут икрой подрадили, а борщеца с котлеткой фиг дадут...

– Может, в украинский ресторанчик? – предложила я, оценив тоску в голосе любимого.

– Да! – с жаром вскричал он.

Расталкивая кучкующихся в обеденном зале граждан, мы пробились к выходу, и там, уже в дверях, тревожно запел Денискин телефон.

– Ну, начинается! – пробормотала я.

По опыту знаю: если субботним вечером в разгар веселой пирушки или шумного праздника моему милому кто-то звонит, то этот «кто-то», сто процентов, окажется его коллегой, да еще старшим по званию. Телефонный разговор будет коротким и, скорее всего, повлечет за собой мое досрочное расставание с любимым, который умчится прочь, в ночь, по неотложным служебным делам.

– Капитан Кулебякин, – мрачно ответил Денис, не хуже меня осознающий печальные перспективы. – Так точно. Где? Ясно. Еду.

Мой капитан выключил мобильный телефон и посмотрел на меня с таким несчастным видом, что я не нашла в себе сил на вполне уместную ругань.

– Погибла жена Пороховщикова, – объяснил он. – Все начальство наше уже на ушах. Надо бежать.

Я кивнула, и Денис убежал, чтобы принять ту же позицию, что и его начальство, едва я отклеилась от его рукава.

Жорик Пороховщиков – человек в нашем городе известный, а в милицейских кругах еще и популярный. Он владелец сети бань и саун, куда Денискины коллеги заглядывают по поводу и без такового, имея множество льгот и скидок на обслуживание, что бы за этим словом ни стояло. Я бдительно слежу за тем, чтобы мой капитан не принимал участия в этих банно-прачечных тусовках. Знаю я, чем они там занимаются, не маленькая! На месте милицейских жен я давно уже убила бы самого Жорика Пороховщикова.

– Ох!

Получив локтем в бок, я отшатнулась от дверного проема, и в него вылетела скрюченная фигура в вельветовых брюках и потертом пиджаке. Фасонистая металлическая блямба на отключенном заду блеснула мне в глаза, и я с удивлением узнала в драчливом бегуне почтеннейшего супер-ВИПа.

«Это же Эл Гэ! – оживился мой внутренний голос. – Куда это он так торопится?»

Я услышала гулкий хлопок и выглянула в фойе. Дверь мужского туалета еще вибрировала, рискуя обронить с себя чеканное изображение писающего мальчика.

– Ох!

Второй тычок в подреберье пробудил в моей душе самые темные силы.

– Ты, кор-рова! – бешено прорычала я вслед косолапой телке в джинсовой юбке.

Не обращая на меня никакого внимания, она тоже промчалась к мужскому туалету и остановилась под дверью, трагически заламывая пухлые руки в ямочках. Вульгарные красные копыта топтали зеленый резиновый коврик, как луговую травку.

– Леонтий Степанович! О, Леонтий Степанович! – со слезой в голосе причитала дева.

– А, вот ты где! – Рядом со мной возникла раздумывавшаяся Алка Трошкина.

С одной стороны ее держал под ручку мой братец, с другой присоседился Зямин приятель Витька Завалишин, наш местный фотоохотник за знаменитостями.

– Что за шум, а драки нет? – живо заинтересовался происходящим папарацци.

– Кажется, Эл Гэ поплохело от халявной икры! – злорадно объяснила я, кивнув на дверь туалета.

– Бедный Эл Гэ! – посочувствовала добрячка Трошкина.

– Как интересно! – хищно улыбнулся Завалишин.

Он моментально отпустил Алкину ручку и зашагал к туалету, на ходу расчехляя свой фотоаппарат.

– Вот теперь действительно бедный Эл Гэ! – усмехнулся Зяма.

Я попробовала представить, как чувствует себя человек, героически сражающийся с желудочными спазмами на последнем рубеже унитаза общественной уборной, под нацеленным на него объективом фотокамеры... И поежилась. У меня бы диарея сразу же осложнилась сердечным приступом!

Мы немного подождали протестующих и гневных криков, а также хрустального звона разбитой оптики, но их не последовало. Через пару минут Витька выглянул из сортира и деловито позвал:

– Ребята, звякните кто-нибудь в «Скорую»!

– Эл Гэ разбил инфаркт? – обоснованно предположила я.

– А фиг его знает! – Витька пожал плечами. – Я не медик!

Медики прибыли по вызову минут через пять. Из туалета ВИП-гостя вынесли на носилках, с головой накрыв его простыней.

– Он умер?! – испугалась Алка.

– Еще живой, – мимоходом успокоил ее один из санитаров.

– От поноса еще никто не умирал, – профессионально безразлично добавил второй.

– А простынка – это чтобы сохранить инкогнито! – ухмыльнулся Завалишин.

Улыбочка у него была довольная, как у сытого волка. Можно было не сомневаться, что наш папарацци нащелкал достаточно сенсационных и компрометирующих снимков. И никакой простынкой инкогнито уже не спасти.

Теперь уже и я сказала:

– Бедный Эл Гэ!

У распахнутой двери сортира грустно хныкала, размазывая по лицу помаду и тушь, невестребованная Девушка-с-веслом.

Каюсь, в тот момент я порадовалась, что не только у меня приятный субботний вечер внезапно оказался испорченным.

Понедельник

2

Некоторым людям не стоило бы увлекаться диетами. Особенно если сила воли у этих людей имеет характер урагана, который налетает редко, но зато с сокрушительной силой. Такие люди в субботу вечером объедаются жареной свининой и жирными тортами, в воскресенье мучаются изжогой и угрызениями совести, а с девяти утра в понедельник (сразу же после плотного завтрака) начинают новую жизнь и садятся на строгую диету.

Уже к обеденному перерыву таким людям становится ясно, что сидеть на канцелярской кнопке, сапожном гвозде или пороховой бочке им было бы гораздо комфортнее, чем на диете. Однако ураганная воля могучими заклинаниями типа «Мы едим, чтобы жить, а не живем, чтобы есть!» заглушает голос разума и урчание желудка.

День проходит в борьбе со здоровыми инстинктами и заканчивается в кровати, куда измученный диетик заползает в неосознанной надежде увидеть во сне легендарное пиршество Лукулла или хотя бы вчерашний бутерброд с колбасой.

Во мраке ночи ураганная сила воли постепенно ослабевает и окончательно иссякает перед рассветом, который застаёт страдальца перед распахнутым холодильником, в глубоком поклоне над нижней полкой, где с позавчерашнего дня стояла в полном забвении кастрюля с холодным борщом. В одной руке блаженно улыбающегося экс-диетика объеденная мозговая кость со следами яростных укусов, в другой – большая ложка, а под ногами – пестрая куча разорванных оберток от продуктов, помещавшихся на двух верхних полках и трех боковых. При этом румянец побледневшим было щекам доброго едока придает главным образом розовый свет восходящего солнца и лишь в малой степени – угрызения совести, отродясь не имевшей ураганной силы.

Затем диетоотступник совершенно сознательно пускается во все тяжкие. За три чаепития в офисе он истребляет недельный запас сахара, нагло вынуждает совестливых товарищей к преломлению хлебов и пирожных притворно невинным вопросом: «А что это у тебя? Так вкусно пахнет!» – и мимоходом бросает в рот каждую калорию, попадающуюся ему на жизненном пути. Эта продовольственная вакханалия продолжается до тех пор, пока обжора вдруг не заметит, что ему стало тесно в зеркальной поверхности трехстворчатого платяного шкафа. Тогда волосы его встают дыбом, поднятые ужасом и первым порывом вновь просыпающейся ураганной воли.

В углубляющемся раскаянии бедняга густо посыпает голову пеплом, щедро умащивает тело кремом для расщепления подкожного жира и долго, до появления одышки, прыгает через скакалку, демонстрируя большое сходство с цирковым гиппопотамом. Он натирает мозоли на подошвах педалями велотренажера, плотно оклеивает пластырем «Плоский животик» то место, где у других бывает талия, и сотрясается от горьких рыданий на весах. Ночью в тревожном сне он видит ужасы неудачной липосакции, и утро следующего дня знаменуется приходом нового урагана.

Это повторяется с регулярностью, способной посрамить метроном. В маятниковом метании от голодания к обжорству случается лишь краткий миг равновесия, в котором морально неустойчивая личность вынужденно пребывает в момент расстройств желудка, непосредственно сидя на унитазе. Что характерно, работать за эту личность в сей кризисный момент приходится кому-то другому, совершенно свободному от диетическим закидонов!

Доведя свой гневный мысленный монолог до этого заключения, я с горечью произнесла вслух:

– Индия Кузнецова, доброта тебя погубит!

– «Доброта погубит Индию» звучит почти так же внушительно, как «Красота спасет мир»! Только гораздо менее позитивно, – хихикнула Алка Трошкина, запихивая в рот ореховый кекс.

Именно вкусный свежий кекс задержал нас с Алкой в кабинете Эдуарда Розова вчетверо дольше, чем на пять минут, о которых он просил.

Эд заглянул из коридора в офис рекламного агентства, где постоянно тружусь я и периодически скуки ради подрабатывает Трошкина, как раз в тот момент, когда мы с подружкой разливали по чашкам свежесваренный чай. Бритая под машинку голова возникла на уровне дверной ручки, что позволяло предположить: ее владелиц перемещается по коридору либо в низком приседе, либо на четвереньках. В любом случае зрелище должно было впечатлять. Розов весит сто сорок кило и в виде Человека Прямоходящего похож на дирижабль, поставленный на попу. В образе Зверя На-четвереньках-бегущего я Эдика прежде не видела. Думаю, слоны и бегемоты рядом с ним смотрелись бы тускло.

– Де-е-евочки! – проблеял Эд, страдальчески кривя толстощеку физиономию. – Посидите у меня кто-нибудь пять минут! Вдруг клиент, а у меня живот прихватило!

Он не дождался ответа и с громким слоновье-бегемотовым топотом унесся в направлении мужского туалета.

– Ладно уж, пойдем, что ли? Покараулим Эдькину лавочку, – предложила я Алке и первой вышла из-за стола, не забыв прихватить чашку с чаем.

Эдик выбрал правильный момент для оглашения своей просьбы. У нас в офисе как раз закончились запасы печенья и пряников, а пить чай «без ничего» я не люблю. У Эда же вполне могло найтись что-нибудь вкусенькое.

Беглый осмотр мини-бара, замаскированного под сейф и даже снабженного наклейкой «Документы особой важности. В случае пожара выносить в первую очередь!», показал, что Розов переживает стадию разнuzданного обжорства. Никакого тебе однопроцентного кефира, зерновых хлебцев и постной гречневой каши! Холодильник был забит сливочными йогуртами, колбасными нарезками, замороженными гамбургерами и высококалорийными десертами.

Мы с Трошкиной выбрали ореховый кекс и с максимальным удобством устроились в гостях у отсутствующего Эда. В смысле площади офис у него очень скромный, а по части интерьера и вовсе затрапезный, хотя сегодня Розов внес в него элемент праздничного убранства – большую золоченую клетку со здоровенным попугаем по имени Кортес.

Попугай у Эда роскошный – полуметрового роста, ярко-зеленый, с широким розовым ожерельем на шее, черным галстуком и красными пятнами на крыльях. Он умеет разговаривать на четырех языках и при этом шикарно грассирует. Обычно Эдькин попугай не принимает участия в сыскных делах, но с утра заботливый хозяин возил его к ветеринару на профилактический осмотр, а потом не успел вернуть домой и приволок питомца в контору, чем здорово порадовал офисный люд. Всем страшно захотелось посмотреть на редкую птицу, так что с утра к Эдику в кабинет народ валил, точно на поклон к чудотворной иконе.

А чуть позже Розов даже получил особое приглашение посетить с визитом директора закрытого НИИ на четвертом этаже. Руководителя «Гирогипредбеда» (подчиненные с благоговейным трепетом именуют его «Сам Сидоров»), видите ли, особо заинтересовал тот факт, что Кортес умеет лопотать по-испански – ученый директор, оказывается, и сам знает язык Сервантеса, мало распространенный в наших широтах. Упустить редкий случай попрактиковаться в разговорном испанском с пернатым носителем языка он, конечно, не мог. Попугай, правда, на испанском ругался, как пьяный конкистадор, но даже по матерным выражениям Сам Сидоров оценил произношение Кортеса как безупречное.

Об этом Розов горделиво поведал нам за вторым завтраком в «МБС» заодно со свежими институтскими сплетнями, в хит-параде которых нынче лидировали внезапно обнаружившаяся беременность незамужней секретарши заместителя директора (в институтском фольклоре – «Зам-Сама»), скандальное увольнение ведущего программиста Мучкина («Мучача») и пугающий слух о том, что нашу вахтершу госпитализировали с каким-то нечеловеческим гриппом – то ли птичьим, то ли свиным, то ли козым.

Оклеветанная вахтерша, которая просто опоздала на работу, самолично прошла по этажам с целью развеять пугающий слухок уже позже, в обеденное время. Да и беременная секретарша приходила – вся зареванная и глубоко обиженная несправедливым мироустройством на отдельно взятой планете...

Кого у нас только не было в этот день! Цитируя классика, «все промелькнули перед нами, все побывали тут»! За исключением разве что драгунов и уланов, которых мы, впрочем, тоже приняли бы тепло и сердечно...

Да, пожалуй, Бронич не так уж неправ, ругая наш дружный рекламный коллектив за то, что мы последовательно и результативно превращаем офис агентства в кабинет психологической разгрузки и притом (что возмущает шефа больше всего) не берем за это денег.

Зато мы в избытке получаем от гостей разнообразную информацию и положительные эмоции. Эдькин попугай, к примеру, в одно мгновение улучшил настроение Сашке Баринову, отреагировав на упоминание его имени нежным немецкоязычным клекотом: «Либер Сашхен!»

Но в Эдькином микроскопическом офисе попугай смотрелся неуместным излишеством. Хозяин вынужден был поставить клетку с Кортесом на шкаф, более подходящего места не нашлось. В двенадцатиметровой комнатке с трудом помещаются письменный стол, два кресла, гардероб, замаскированный под шкаф для документов, холодильник, притворяющийся сейфом, и микроволновка, конспиративно накрытая большой картонной коробкой с яркой наклейкой «Раскрытые дела-2008».

Написанному, как это часто случается, верить не следует. В две тысячи восьмом году, насколько мне известно, частный детектив Розов был тихим, мирным соискателем кандидатской степени по юриспруденции. Он вел часы на кафедре какого-то сибирского университета и раскрывал не дела, а студенческие зачетки, да и то лишь изредка. Не ведаю, какой нервный взбрык судьбы забросил Эда в наши южные широты, но что его агентство частного сыска «Пинкертон» существует меньше года, я знаю точно.

В конце декабря, когда в нашем многоэтажном офисном здании освободилось от годовой аренды несколько помещений, в качестве потенциального съемщика одного из них к нам в «МБС» заглянул Эдик Розов. Помню, его интересовали плотность клиентопотока, близость общественного транспорта, доступность парковки и скорость местного Интернета.

Мы с девочками приняли гостя любезно, ответили на все его вопросы и даже напоили чаем с тремя видами свежих пирожных. Подозреваю, что именно последнее обстоятельство оказалось для Эда решающим. Он снял помещение по соседству с нашим гостеприимным офисом и завел обыкновение ходить к нам на чай.

Помню, даже название для его агентства мы придумывали сообща, за вторым завтраком у нас в «МБС».

– Я хотел бы назвать свою фирму по имени какого-нибудь прославленного сыщика, – застенчиво кушая пятое по счету пирожное, сказал Розов. – Мне кажется, что для клиента это будет звучать доходчиво и привлекательно. А вы как думаете?

– Я думаю, что тебе идеально подойдет «Ниро Вульф», – предложил эрудированный, но бестактный креатор Сева Полонский, вдыхая аромат зеленого чая без сахара.

– Стыдитесь, Всеволод! – взмахнув шоколадным батончиком, отчитала его наша бухгалтерша Зоя Липовецкая. – Если вам лично повезло с телосложением, это не повод насмехаться над людьми, которых природа незаслуженно обидела!

«Незаслуженно» обиженный природой обжора Розов затряс подбородками, часто кивая в знак полного согласия со словами добренькой и пухленькой бухгалтерши.

– А как еще? – иронично прищурился Сева. – «Шерлок Холмс» – это слишком банально, и потом, в нашем городе уже есть охранное агентство «Шерлок». «Мисс Марпл» и «Агата Кристи» тоже не годятся – ты, Эдик, не того пола.

– А жаль, – пробормотал себе под нос второй копирайтер Сашка Баринов, представляющий в нашем офисе сексуальное меньшинство, которое обязательно должно быть в каждом уважающем себя рекламном агентстве.

– И потом, в нашей стране уже есть музыкальная группа «Агата Кристи», – напомнила я. – Эдик, может, ты возьмешь название «Патер Браун»?

– Этот герой недостаточно популярен, – с грустью возразил мне Розов. – А слово «патер» непременно собьет людей с толку. Они будут думать, что я представляю захудалую религиозную секту!

– Тогда, может, «Коломбо»? – вспомнила Зоя кинематографическую классику.

– Это имя в переводе означает «голубка»! – напомнил полиглот Полонский. – Люди будут думать, что Эдик представляет местное отделение партии пацифистов.

– «Эдгар По»! – придумала я. – Эдик – это ведь почти Эдгар, если имена сократить!

– А «По» – это почти «попа», если сократить и ее! – съязвил остроумный, но злой Полонский.

– К сожалению, ее сократить почему-то никак не получается, – смущенно пожаловался Эдик, через плечо поглядев на свою тыльную часть в зеркало.

– Не слушай их, Эдичка, ты и так очень милый! Назови свою контору «Жеглов и Шарпов», – предложил Баринов, склонный комплектовать однополые пары.

– У меня нет компаньона, – возразил Розов.

– А я знаю, знаю! – Зоя захлопала в ладоши. – Пусть будет агентство «Пинкертон»! Простенько и со вкусом.

– Простенько?! Да нет же! Это не простенько, это гениальненько! – вскричал темпераментный Полонский. – Именно то, что надо! Ведь «пинк» по-английский как раз означает «розовый». Розов – Пинкертон. Какая тонкая игра слов!

– Пожалуй, «пинк» – это хорошая находка. Но что по-английски означает «ертон», не подскажете ли? – опасливо спросил неанглоязычный Эдик.

Я быстренько залезла в Интернет на «Мультитран» и услужливо подсказала:

– «ER» – это сокращенное «Emergency Room», то есть «пункт первой помощи».

– Пожалуй, это мне подходит, – обрадовался Розов. – Пусть клиенты со всех ног бегут ко мне за первой детективной помощью!

– А «ton» – это «тонна», – закончила я.

– И это тебе, Эдик, тоже подходит! – засмеялся бестактный Полонский. – В целом получается симпатичный ребус: pink-ER-ton! В очень приблизительном переводе – «пункт скорой детективной помощи тяжеловеса Розова»! По-моему, просто замечательно!

– Я еще подумую, – сказал слегка обиженный тяжеловес.

Но ничего лучшего он придумать не смог, и вскоре на свежеекрашенной двери по соседству с нашим офисом появилась новенькая табличка с золотой надписью «PINK-ER-TON».

– Знаешь, а ведь это «er-ton» можно еще расшифровать как «error ton» – «неправильный стиль», – впервые увидев эту табличку, выступила с запоздалой критикой англоманка Трошкина. – А это как-то нехорошо характеризует детективную манеру Розова!

– Не все же такие умные, как ты! – отбрила тогда я, втайне досадуя, что и я не столь умна, раз не заметила скрытого подвоха.

За три месяца с момента полуторжественного открытия агентство «Пинкертон» не захватило лидерство на местном рынке детективных услуг, но и не разорилось. Эдик Розов перио-

дически отравлял нам дежурные посиделки за чаем жалобами на кризис жанра, однако какие-то дела у него все-таки были. Тем не менее я сомневалась, что за время отсутствия Эда с его больным животом в офисе случится массовый наплыв клиентов. Я вообще не предполагала принимать посетителей – и, как выяснилось, напрасно!

Уже на стадии зачистки своего блюдечка от последних крошек вкусного кекса Алка Трошкина начала взволнованно вздыхать и ерзать в кресле.

Сначала я подумала, что у нее тоже внезапно расстроился желудок, и встревоженно прислушалась к собственным ощущениям. Однако моя пищеварительная система посылала в мозг исключительно импульсы удовольствия. Тогда я вспомнила, что орехи считаются продуктом, усиливающим половое влечение (правда, вроде бы только у мужчин), и присмотрелась к возбужденной Трошкиной с новым подозрением. Перехватив мой вопросительный взгляд, она извиняющимся тоном сказала:

– Все, Кузнецова, я так больше не могу. Пойду найду какого-нибудь мужика...

«М-да, определенно влияние орехового кекса на женский организм еще недостаточно изучено!» – веско вставил в образовавшуюся паузу мой внутренний голос.

– Найду-ка я какого-нибудь мужика и попрошу его сходить в мужской туалет, провести Эдика, – договорила Алка, вставая. – Уже целых двадцать минут прошло, по-моему, это слишком долго для простого желудочного расстройства. Мне кажется, уже пора принимать врачебные меры.

Я еще не успела прикончить свою порцию кекса, поэтому ответила подружке молчаливым кивком, и Трошкина ушла.

Я посмотрела на Эдькиного попугая, проглотила кусок кекса и из вежливости спросила:

– Чай будешь?

– Файф-о-клок! Файф-о-клок! Файф-о-клок! – возбужденно заорал попугай по-английски.

Я поставила в птичью клетку свое блюдо с крошками, но ара не стал их клевать и еще некоторое время назойливо орал про файф-о-клок. Я предположила, что у англоязычной птицы классический британский режим питания, так что раньше пяти часов он к своему чаю не приступит, подлила Кортесу в чашку водички и вернулась за стол.

От нечего делать я включила Эдькин компьютер, прогнала прочь полуголую деваху, идеально вписавшуюся в прямоугольный экран благодаря неприличной коленно-локтевой позе, и пошла знакомиться с новостями дня.

В топ-тройке Газеты. ру лидировало сообщение под заголовком: «Летучие мыши напали в подъезде на семью москвичей». Лента. ру настойчиво информировала читателей о том, что Путин признал аморальность пакта Молотова – Риббентропа. Про летучих мышей мне было интереснее, хотя бы потому, что с Молотовым и Риббентропом (спасибо Путину) уже все стало ясно, тогда как поединок семейства московских граждан с соплеменными им нетопырями представлялся делом непредсказуемым.

Я подвела курсор нелетучей компьютерной мышки к нужному заголовку, но нажать на него не успела, отвлеченная деликатным стуком в дверь.

– Открыто! – крикнула я, совсем забыв, что сижу в чужом кабинете.

– Здравствуйте! – мелодично произнес приятный женский голос. – Можно войти?

– Конечно! – ответила я, сожалея, что не могу ответить категорическим отказом.

Эдик ведь попросил нас постеречь его офис именно на случай появления клиентов. Правда, он не сказал, что мне с этими клиентами делать.

«Держать и не пуцать!» – посоветовал мой мудрый внутренний голос. – Авось сыщик Розов не просочился на сорок лье в канализацию и скоро вернется».

– Присаживайтесь, – пригласила я милую даму и перегнулась через стол, чтобы убрать с глаз Алкин чайный прибор.

Тут же мне пришло в голову, что этот момент можно использовать для ненавязчивой рекламы Эдькиного полудохлого заведения, и я с улыбкой сказала:

– Простите, сегодня так много клиентов, что я не успеваю приборы менять! Вам чай, кофе?

– Спасибо, ничего не надо, – ответила гостя, опускаясь в кресло, столь своевременно освобожденное Трошкиной. – Когда я нервничаю, я не могу ни пить, ни есть.

– Видимо, вы часто нервничаете! – брякнула я.

Посетительница была невысокой, худенькой и бледной, как жертва хронического недоедания. При этом малообеспеченной она не выглядела. Наметанным глазом я отметила высокое качество модной одежды и обуви (сто пудов, с последней распродажи в Милане!) и решила, что клиентку Эду бог послал вполне платежеспособную.

– Меня зовут Алиса, – сказала гостя.

– А меня...

Я запнулась.

Спешить не стоило. Если я прямо и честно представлюсь копирайтером рекламного агентства «МБС» Индией Кузнецовой, у Алисы возникнет закономерный вопрос: а что это уважаемая рекламщица Кузнецова делает в офисе детектива Розова, по-хозяйски сидя за единственным рабочим столом?

«Да, пожалуй, так ты скомпрометируешь Эдуарда как серьезного специалиста, которому приличная дама вполне может доверить свою деликатную проблему», – вновь вполне резонно высказался мой внутренний голос.

– А я Наталья, – находчиво соврала я. – Можно просто Ната. Просто Ната Пинкертон!

«Проще некуда», – хмыкнул мой внутренний голос.

– Очень приятно, – нахмуренный лоб Алисы разгладился.

Видимо, личность фигуристой блондинки, по-свойски развалившейся в кресле, все-таки внушала ей сомнения.

– Так я вас слушаю, – осмелев, напомнила я.

– Да, да. Я...

Тут дверь распахнулась, пропуская в кабинет запыхавшуюся Алку Трошкину. Такой румяной и растрепанной я ее видела только в десятом классе средней школы после кросса на два километра, который едва не убил нас обеих.

– И...

Подруга явно намеревалась с разбегу обратиться ко мне по имени, но вовремя заметила посетительницу и стушевалась:

– И-извините...

– Это вы меня простите, уважаемая, у меня сегодня так много посетителей, что периодически образуется очередь! – вежливо извинилась я, подмигнув Алке, чтобы она поняла, что это я так конспирируюсь. – Пожалуйста, немного подождите в коридоре или подойдите через полчасика.

Я повернулась к Алисе и спросила:

– Мы ведь управимся с вами за полчасика?

– Не уверена! – поджала губы клиентка. – У меня очень серьезное дело. Вопрос жизни и смерти!

– Куэстьен де вида о муэр-р-рте! – зловеще гаркнул болтливый попугай со шкафа.

Алиса вздрогнула и посмотрела на ранее незамеченного ею пернатого с суеверным ужасом.

– Тогда через сорок минут, пожалуйста! – приветливо улыбнулась я «клиентке» Трошкиной.

– Да, да, конечно, – пробормотала она и отступила в коридор.

Дверь закрылась.

– Говорите, вопрос жизни и смерти? – показательно посерьезнев, вновь обратилась я к Алисе.

– Куэстьен де вида о муэрте! – повторил Кортес.

– Не каркай! – Я погрозила пернатому полиглоту пальцем и снова обратилась к посетительнице: – Чьей именно жизни и смерти, если не секрет?

– Моей, – просто ответила она, после чего неожиданно звучно шмыгнула носом и горько разревелась.

Я подвинула к ней стопочку бумажных салфеток, которую мы с Алкой предусмотрительно (хотя и с другой целью) принесли из нашего офиса вместе с чайными приборами. Алиса признательно всхрюкнула и бурно зарыдала в салфетку. Я поняла, что никакими промокашками этот поток горючих слез не остановить, и налила плаксе водички. Вернее, холодной пепсиколы из початой бутылки, которая нашлась в холодильном «сейфе» Эдика.

– Ой! Что это?! – севшим голосом спросила Алиса, залпом выпив стакан газировки и схватившись за горло.

Я понюхала бутылку, которую еще не успела закрыть, и поняла, что конспирация у Эдика тотальная. Судя по запаху, в бутылке с невинной наклейкой помещался смешанный с пепси коньяк.

– Это наш фирменный антистрессовый коктейль «Пинкер-тоник»! – не шевельнув бровью, находчиво объяснила я. – Мы держим его для клиентов с особенно тонкой душевной организацией. Не беспокойтесь, вам не придется платить за выпивку, это угощение за счет заведения.

– У меня достаточно денег, чтобы заплатить и за коктейль, и за ваши детективные услуги! – неожиданно обиделась дама. – Я вам не нищенка какая-нибудь!

– Да? А кто вы нам? – очень дружелюбно спросила я, положив подбородок в ладонку. Не люблю неблагодарных и заносчивых!

Алиса оказалась еще и непоследовательной. Она покраснела и встала:

– Знаете, я, пожалуй, пойду. Я вижу, что с вами мы общего языка не найдем!

– Может, все-таки поищем?

– Нет! – отрубил странная женщина.

Она в два шага достигла двери, распахнула ее и с порога высокомерно бросила через плечо:

– Я всегда считала, что сыск – это не женское дело!

– Я тоже! – вполголоса призналась я, свинчивая крышечку с горлышка пепсикольной бутылки. – И это мнение отличает нас с вами от миллионов поклонниц Дарьи Донцовой!

Я пожалала плечами, заглушила удаляющийся стук чужих каблучков бульканьем антистрессового коктейля и прислушалась к своему внутреннему голосу. Он укоризненно молчал. Попугай тоже затих.

– Если я и перегнула палку, то лишь самую малость! – оправдываясь, с легким вызовом сказала я. – Эта Алиса такая нервная, что ее может вывести из себя любой пустяк!

«Из себя – ладно, плохо, что этот твой пустяк вывел ее из кабинета Эдика! – заметил внутренний голос. И тут же перешел к прямым упрекам: – Попросили же тебя как человека – постереги кабинет!»

– Кабинет никуда и не убежал! – рассердилась я.

На самом деле мне было стыдно. Я за здорово живешь обидела больную на голову дамочку и лишила клиента хворого животом Эдика. Как ни посмотри, гордиться было нечем.

Я сокрушенно вздохнула, и мое дыхание привело в движение маленький бумажный прямоугольник. Коричневый, он совпадал по цвету со столешницей и был на ней неразличим, пока не заскользил по гладкой поверхности.

– Стоять!

– Стоп! – гаркнул попугай не то по-русски, не то по-английски.

Я прихлопнула бумажку, как муху, и поднесла ее к глазам, чтобы рассмотреть. Это оказалась весьма изящная визитная карточка размером чуть больше стандартного. На плотном коричневом пластике со скругленными углами и текстурой дерева золотыми буквами с термоподъемом было написано: «The Vat».

«То есть «Летучая мышь»? – без уверенности перевел мой внутренний голос. – Непонятно... Может, мадам Алиса – певица? Или, например, продюсер постановки оперетты Кальмана? Или подруга Бэтмена, или владелица мини-фермы по разведению нетопырей?»

– Которые нападают в подъездах на семьи москвичей, – пробормотала я, вспомнив заголовки сенсационной новости, с которой так и не познакомилась.

«Вот-вот! – обрадовался внутренний голос, который крайне редко совпадает с голосом разума, но зато с готовностью поддерживает любой бред. – Летучие мыши мадам Алисы принялись разбойничать, и теперь ей нужен частный сыщик, чтобы изловить своих перепончатокрылых преступников!»

Про себя я отметила, что эта версия не лишена стройности, но вслух сказала:

– Ерунда! Впрочем, сама визитка – вещь не ерундовая. На ней ведь указаны телефон и адрес владелицы, так что нельзя сказать, что Эдик совсем уж лишился клиентки. Я отдам ему эту карточку, и при желании он сможет пообщаться с обидчивой мадам самолично. Позвонит ей, спросит, что и как, глядишь – слово за слово, проявит дипломатичность и вернет себе беглую клиентку.

Я повеселела и на радости хлебнула еще малость «Пинкертоника». Потом алкогольный коктейль потребовал закуски, и Трошкина застала меня за повторной, более вдумчивой, проверкой холодильника.

– Что ты делаешь?! – с порога накинулась на меня перевозбужденная подружка.

– Ват а ю дуинг?! Ват а ю дуинг?! – моментально заистерил интеллигентный попугай.

Я как раз в этот момент надкусила яблоко, а привычки разговаривать с набитым ртом у меня нет, да и не казалось мне, что Алкин вопрос требует ответа.

– Жрешь?! – совсем уже грубо рявкнула обычно вежливая Трошкина. – Как же ты можешь?!

Я только пожала плечами, что, собственно, и означало: могу есть молча!

В коридоре послышался приближающийся многоногий топот.

– Несут!

– Ха-о? – сквозь непрожеванное яблоко невнятно спросила я.

Кого там несут, куда и зачем, было интересно.

Мимо дверного проема, частично загороженного фигурой застывшей на пороге Трошкиной, проследовала какая-то процессия.

Во главе ее шел кто-то в нежно-розовом, следом шествовала группа товарищей, объединенных общим грузчицким делом. Шаркая ногами, крякая и командуя друг другу: «Петрович, подними выше, проседает!» и «Ваня, бери ближе к стене, не пройдет!», они тащили носилки, накрытые белой простыней. Под ней ворочался и трубно стонал кто-то большой. Похоже было, что работающий квартет мелкорослых тайских носильщиков влечет в паланкине священного белого слоненка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.